

СОЛОВЕЙ

В Китае, как ты знаешь, и сам император и все его подданные — китайцы. Дело было давно, но потому-то и стоит о нём рассказать, пока оно не забудется совсем! В целом мире не нашлось бы дворца роскошнее императорского; он весь был из тончайшего драгоценного фарфора, такого хрупкого, что страшно было до него дотронуться. В саду росли чудесные цветы, и к самым красивым из них были привязаны серебряные колокольчики: звон их должен был привлекать внимание прохожих к этим цветам. Вот как тонко было всё придумано в императорском саду! Он тянулся так далеко, так далеко, что и сам садовник не знал, где он кончается. А за садом простирался прекрасный лес с высокими деревьями и глубокими озёрами. Лес доходил до самого синего моря, и корабли проплывали под нависшими над водой ветвями. Тут же на берегу жил соловей, который пел так чудесно, что даже бедный, удручённый заботами рыбак заслушивался его и забывал о своём неводе. «Господи, как хорошо!» — восклицал он, потом вновь принимался за своё дело, забыв о соловье, чтобы с приходом ночи снова слушать его дивное пение и повторять: «Господи, как хорошо!»

Со всех концов света стекались в столицу императора путешественники; все они любовались дворцом и садом, но, услышав соловья, говорили: «Вот это прекрасней всего!»

Возвращаясь домой, путешественники рассказывали обо всём, что им довелось увидеть; учёные описывали в книгах столицу, дворец и сад императора, но не забывали упомянуть и о соловье и даже превозносили его больше всего прочего; а поэты в чудесных стихах воспевали соловья, живущего в лесу, у синего моря. Их книги расходились по всему свету, и некоторые из них попали в руки самого императора. Восседавая в своём золотом кресле, он всё читал и читал их, поминутно кивая головой, — ему были очень приятны эти похвалы его столице, дворцу и саду. «Но самое изумительное — это соловей!» — говорилось в книгах.

— Что такое? — удивился император, прочитав это. — Соловей? А я его и не знаю! Как же так? В моём государстве, и даже в моём собственном саду, живёт такая птица, а я о ней и не слыхивал! Удалось узнать о ней только из книги! — И он позвал к себе первого из своих приближённых, а тот был так спесив, что, когда кто-нибудь из ниже его стоящих осмеливался заговорить с ним или спросить его о чём-нибудь, он отвечал только: «Пф!», хотя это равно ничего не значит.

— Оказывается, у нас здесь есть замечательная птица, которая называется «соловей». Её считают главной достопримечательностью моего великого государства! — проговорил император. — Почему же мне ни разу не доложили о ней!

— Я о ней ни разу не слышал! — ответил первый приближённый. — Она не была представлена ко двору.

— Я желаю, чтобы она была здесь и пела мне сегодня же вечером! — сказал император. — Весь свет знает, какое у меня есть сокровище, а сам я этого не знаю!

— Я и не слыхивал об этой птице! — повторил первый приближённый. — Но буду искать и найду её.

Легко сказать! А где её найдёшь?

И вот первый приближённый императора принялся бегать вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но ни один из тех, к кому он обращался с расспросами, и не слыхивал о соловье. Наконец, первый приближённый вернулся к императору и доложил, что соловья, должно быть, выдумали сочинители — те, что книжки пишут.

— Ваше величество, вы не должны верить всему, что пишут в книгах! Всё это выдумки!

— Но ведь эту книгу мне прислал сам могущественный японский император, и в ней не может быть неправды! — возразил император. — Я хочу слушать соловья! Он должен быть здесь сегодня же вечером, я объявляю ему моё высочайшее благоволение! Если же его здесь не окажется в назначенное время, то я прикажу бить всех придворных палками по животу, после того как они поужинают!

— Слушаю-с, — проговорил первый приближённый и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам. С ним вместе носилась и добрая половина придворных — никому ведь не хотелось отведать палок. У всех на языке был только один вопрос: что это за соловей, которого знает весь свет, а при дворе никто не знает?

Наконец, отыскали на кухне одну бедную девочку, которая сказала:

— Да как же не знать соловья! Вот уж поёт-то! Вечером мне позволяют носить моей бедной больной маме остатки от обеда. Живёт мама у самого моря, и вот всякий раз, как я на обратном пути сажусь отдохнуть в лесу, я слышу пение соловья. Мне тогда хочется плакать, а на душе так радостно, словно мама целует меня!

— Кухарочка! — сказал ей первый приближённый. — Я назначу тебя на штатную должность при кухне

и выхлопочу тебе разрешение посмотреть, как кушает император, если только ты сведёшь нас к соловью. Он получит приглашение явиться во дворец сегодня вечером.

И вот все направились в лес, к тому месту, где обычно пел соловей. Чуть не половина придворных двинулась туда. Шли-шли, вдруг где-то замычала корова.

— О! — воскликнули молодые придворные. — Вот он! Какой, однако, сильный голос! И у такого маленького существа! Но мы, бесспорно, слышали его раньше.

— Это мычат коровы, — сказала девочка. — Нам ещё далеко идти.

Немного погодя в болоте заквакали лягушки.

— Изумительно! — вскричал придворный проповедник. — Теперь я слышу! Точь-в-точь колокольчик.

— Нет, это лягушки! — возразила девочка. — Но теперь мы, наверное, скоро услышим его.

И, наконец, запел соловей.

— Вот это соловей! — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам! — И она показала на маленькую серенькую птичку, сидевшую высоко в ветвях.

— Неужели этот? — удивился первый приближённый. — Вот уж не ожидал, что он такой! Какой невзрачный! Очевидно, все его краски полиняли, едва он увидел столько знатных особ!

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш милостивый император желает тебя послушать!

— Очень рад! — откликнулся соловей и запел так, что все диву дались.

— Словно стеклянные колокольчики звенят! — сказал первый приближённый. — Глядите, как трепещет его горлышко! Удивительно, что мы до сего времени ни разу его не слышали. Он будет иметь большой успех при дворе.

— Хочет ли император, чтоб я продолжал? — спросил соловей: он думал, что император тоже пришёл его послушать.

— Несравненный соловушка! — ответил первый приближённый императора. — На меня возложено приятное поручение пригласить вас на имеющий быть сегодня вечером придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете всех своим дивным пением.

— Пение моё гораздо приятнее слушать в зелёном лесу! — сказал соловей, но, узнав, что император пригласил его во дворец, охотно согласился отправиться туда.

При дворе шли приготовления к празднику. Фарфоровые стены и пол сверкали, отражая свет бесчисленных золотых фонариков, в коридорах были расставлены рядами великолепные цветы, увешанные колокольчиками, которые от всей этой беготни и сквозняков звенели так, что людям трудно было расслышать свои собственные слова.

Посреди огромного зала, в котором сидел император, водрузили золотой шест для соловья. Все придворные были в сборе; позволили стать в дверях и кухарочке — она ведь теперь получила звание придворной поварихи. Все были разодеты в пух и прах и глаз не сводили с маленькой серенькой птички, которой император милостиво кивнул головой.

И вот соловей запел, да так дивно, что у императора слёзы выступили на глазах. Вот они покатались по щекам, а соловей залился ещё более звонкой и сладостной песней, она так и хватала за сердце. Император пришёл в восторг и сказал, что жалуется соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался, объяснив, что достаточно вознаграждён.

— Я видел на глазах императора слёзы, какой ещё награды мне желать! В слезах императора дивная сила. Я вознаграждён с избытком!

И опять зазвучал его сладостный голос.

— Вот что нужно для успеха! — защебетали придворные дамы и принялись набирать в рот воды, чтобы она булькала у них в горле, когда они станут с кем-нибудь разговаривать. Так они надеялись уподобиться соловью. Даже слуги и служанки дали понять, что получили большое удовлетворение, а это ведь много значит: известно, что этим особам угодить труднее всего. Да, соловей, несомненно, имел успех.

Ему приказали остаться при дворе, поселили его в особой клетке и приставили к нему двенадцать слуг, а гулять разрешили два раза в день и раз ночью, причём каждый слуга крепко держал его за привязанную к лапке шёлковую ленточку.

Мало радости в таких прогулках!

Весь город говорил об удивительной птичке, и, если встречались на улице двое знакомых, один сейчас же говорил: «соло», а другой подхватывал: «вей!», после чего оба вздыхали, сразу поняв друг друга. Больше того, одиннадцать сыновей мелочных лавочников получили имя Соловей в честь императорского соловья, хотя ни у кого из них не было и признака голоса.

Как-то раз императору доставили посылку с надписью: «Соловей».

— Ну вот, ещё новая книга о нашей знаменитой птичке! — сказал император.

Но то была не книга, а затейливая вещица: в небольшой коробке лежал искусственный соловей, очень похожий на живого, но весь осыпанный брильянтами, руби-

нами и сапфирами. Стоило его завести, и он начинал петь одну из тех песенок, которые пел живой соловей, и поводить хвостиком, отливающим золотом и серебром. На шее у этой птички была ленточка с надписью: «Соловей императора японского жалок в сравнении с соловьём императора китайского».

— Какая прелесть! — воскликнули все придворные. Искусственного соловья привёз посланец японского императора, и этого человека немедленно утвердили в звании «чрезвычайного императорского поставщика соловьёв».

— Теперь пусть-ка споют вместе. Вот будет дуэт!

Но дело не пошло на лад: живой соловей пел по-своему, а искусственный — как заведённая шарманка.

— Это не его вина! — сказал придворный капельмейстер¹. — Он безукоризненно держит такт и поёт по моей методе.

Тогда искусственного соловья заставили петь одного. Он имел такой же успех, как и живой соловей, но был гораздо красивее, весь сверкал, как браслет или брошка. Тридцать три раза пропел он одну и ту же песню и не устал. Все охотно послушали бы его ещё разок, да император нашёл, что надо бы спеть и живому соловью... Но куда же он девался? Никто и не заметил, как он вылетел в открытое окно и улетел в свой зелёный лес.

— Ну что же это такое! — огорчился император; а придворные обозвали соловья неблагодарным.

— К счастью, лучшая из этих двух птиц осталась у нас, — говорили они.

И вот искусственному соловью пришлось спеть всё ту же песню в тридцать четвёртый раз. Никто, однако,

¹ Капельмейстер — руководитель хора и/или оркестра.

не сумел запомнить её мелодию, такая она была трудная. Капельмейстер расхваливал искусственную птичку, уверяя, что она даже превосходит живую, и не только нарядом и драгоценностями, но и внутренними своими достоинствами.

— Что касается живого соловья, высокий повелитель мой, и вы, милостивые господа, то никогда ведь нельзя знать заранее, что именно он споёт. А у искусственного всё известно наперёд, и можно даже отдать себе полный отчёт в его искусстве. Этого соловья можно разобрать и показать его внутреннее устройство — оно плод человеческого ума; можно показать расположение и действие валиков и вес, всё!

— Я сам того же мнения! — заявил каждый из присутствующих, и капельмейстеру разрешили в следующее же воскресенье показать птицу народу.

— Надо и народу послушать её, — сказал император.

Народ послушал и был так же доволен, как если бы вдоволь напился чаю. Все пришли в восторг и в один голос кричали «о!», кивая головами. Но бедные рыбаки, слышавшие живого соловья, говорили про искусственного:

— Недурно поёт, и песни его похожи на песни живого, а всё-таки — не то! Чего-то недостаёт в его пении, чего — мы и сами не знаем!

Живого соловья объявили изгнанным из пределов государства.

Искусственного соловья поместили на шёлковой подушке возле императорской кровати, а вокруг него разложили все пожалованные ему подарки, золото и драгоценные камни. Величали его теперь так: «Императорского ночного столика первый певец с левой стороны», — так

как император считал более важной ту сторону, на которой находится сердце, а сердце даже у императора помещается слева. Капельмейстер написал труд в двадцать пять томов об искусственном соловье; книги были очень толстые и пересыпаны множеством мудрёных китайских слов, поэтому придворные уверяли, что прочли и поняли всё, что там написано, иначе их сочли бы за дураков и отколотили бы палками по животу. Прошёл целый год; император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку искусственного соловья; потому-то им так и нравилось его пение: теперь все они сами могли подпевать птичке и подпевали. Уличные мальчишки пели: «Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!», и им вторил сам император. Не правда ли, что за диво!

Но как-то раз вечером искусственная птичка только что распелась перед императором, лежавшим в постели, как вдруг внутри у неё что-то зашипело, зажужжало, потом колёсики завертелись, потом лопнула какая-то пружинка — и музыка смолкла.

Император соскочил с кровати и послал за придворным медиком. Но что тут мог поделывать медик?! Призвали часовщика, который после долгих разговоров и осмотров кое-как исправил птичку, но сказал, что с ней надо обходиться крайне бережно: зубчики внутри поистерлись, а заменить их новыми так, чтобы музыка звучала по-прежнему, невозможно. Вот так горе! Часовщик разрешил заводить птичку только раз в год. И это было очень грустно, но капельмейстер произнёс речь, хотя и краткую, зато полную мудрых слов, и в этой речи доказал, что искусственный соловей ничуть не изменился к худшему. Значит, так оно и было. Прошло ещё пять лет, и страну постигло большое горе: все так любили императора, а он,

по слухам, был при смерти. Уже все избрали ему преемника, а народ всё ещё толпился у дворца и спрашивал первого императорского приближённого о здоровье своего старого повелителя.

— Пф! — отвечал приближённый, покачивая головой. Бледный, похолодевший, лежал император на своём великолепном ложе. Все придворные считали его умершим, и каждый уже спешил поклониться новому императору. Слуги выбегали посудачить о новостях, а служанки проводили время в болтовне за чашкой чая. По всем залам и коридорам были разостланы ковры, чтобы приглушить шум шагов, и во дворце стояла мёртвая тишина. Но император ещё не умер, хоть и лежал неподвижный и бледный на своём великолепном ложе, под бархатным с золотыми кистями пологом. Месяц светил в раскрытое окно и на императора, и на искусственного соловья.

Больному императору трудно было дышать — ему казалось, что кто-то сидит у него на груди. И вот он открыл глаза и увидел, что это Смерть. Она надела себе на голову императорскую корону, взяла в одну руку его золотую саблю, а в другую роскошное знамя. Из складок бархатного полога высовывались какие-то странные головы: одни с кроткими и ласковыми лицами, другие с отвратительными. То были злые и добрые дела императора, смотревшие на него в то время, как Смерть сидела у него на сердце.

— Помнишь это? — шептали они попеременно. — А это помнишь? — и рассказывали ему о многом таком, отчего на лбу у него выступал холодный пот.

— Я совсем не знал об этом! — говорил император. — Музыка сюда, музыку! Большой барабан! Чтобы я не слышал их слов!

Но они не унимались, а Смерть подтверждала их слова кивками.

— Музыку сюда, музыку! — кричал император. — Пой хоть ты, золотая птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туфлю, так пой же, пой!

Но птичка молчала, некому было её завести, а без завода она петь не могла. В глубокой тишине Смерть всё смотрела на императора своими большими пустыми глазницами, а в комнате было так тихо, так угрожающе тихо!

Но вот за окном послышалось дивное пение. Маленький живой соловей сидел там на ветке и пел. Узнав о болезни императора, он прилетел, чтобы утешить и ободрить его. Он пел, а призраки, обступившие умирающего императора, стали тускнеть, и в ослабевшем теле императора кровь потекла быстрее; сама Смерть заслушалась соловья и всё повторяла: «Пой, пой ещё, соловушка!»

— А ты отдашь мне за это драгоценную золотую саблю и роскошное знамя? Отдашь корону императора?

И Смерть стала отдавать ему одну драгоценность за другою, а соловей всё пел и пел. Вот он запел о тихом кладбище, где цветут белые розы, благоухает бузина и живые, оплакивающие усопших, орошают слезами свежую траву... Смерть вдруг так затосковала по своему саду, что превратилась в клочок белого холодного тумана и вылетела в окно.

— Спасибо, спасибо тебе, милая птичка! — проговорил император. — Я хорошо тебя помню! Я изгнал тебя из моего государства, а ты отогнала от моей постели ужасные призраки, отогнала даже Смерть! Чем мне тебя вознаградить?

— Ты уже вознаградил меня раз и навсегда! — ответил соловей. — Когда я в первый раз пел тебе, я видел слёзы на твоих глазах, и этого мне не забыть никогда! Слёзы — вот драгоценнейшая награда для сердца певца!.. И теперь засни и проснись здоровым и бодрым! Я буду петь для тебя.

И он запел опять, а император заснул сладким, благодатным сном.

Когда же он проснулся окрепшим и здоровым, в окно светило солнце. Ни один из его слуг не заглянул к нему, полагая, что он уже умер; только соловей всё ещё пел за окном.

— Ты должен остаться у меня навсегда! — проговорил император. — Ты будешь петь только тогда, когда сам этого захочешь, а искусственную птичку я разобью на тысячу кусков.

— Не надо, — сказал соловей. — Она послужила тебе, как могла. Пускай останется у тебя. Я не могу вить гнездо во дворце, позволь только прилетать к тебе, когда мне самому этого захочется. Тогда я каждый вечер буду садиться на ветку у твоего окна и петь тебе; и песня моя и порадует тебя, и заставит задуматься. Я буду петь тебе о счастливых и о несчастных, о добре и о зле — всё это тебя окружает, но скрыто от тебя. Маленькая певчая птичка летает повсюду: залетает и к бедному рыбаку, и к крестьянину, которые живут вдали от тебя и твоего двора. Я люблю тебя за твоё сердце больше, чем за твою корону, и всё же корона окружена каким-то священным ореолом. Я буду прилетать и петь тебе! Но обещай мне кое-что!

— Всё, что хочешь! — сказал император и встал величественный, как встарь, — он успел облачиться в своё

императорское одеяние и прижимал к сердцу тяжёлую золотую саблю.

— Об одном я прошу, — сказал соловей, — никому не говори, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всём на свете. Так будет лучше!

И соловей улетел.

Слуги вошли поглядеть на мёртвого императора и застыли на пороге. А император сказал им:

— С добрым утром!

ПЯТЕРО ИЗ ОДНОГО СТРУЧКА

В стручке сидело пять горошин; сами они были зелёные, стручок тоже зелёный, ну, они и думали, что и весь мир зелёный; так и должно было быть! Стручок рос, росли и горошины; они приноравливались к помещению и сидели все в ряд. Солнышко освещало и пригревало стручок, дождик поливал его, и он делался всё чище, прозрачнее; горошинам было хорошо и уютно, светло днём и темно ночью, как и следует. Они всё росли да росли и всё больше думали, сидя в стручке, что пора им что-то предпринять.

— Век, что ли, сидеть нам тут? — говорили они. — Как бы нам не засохнуть от такого сидения!.. Сдаётся нам, есть что-то и вне нашего стручка! Уж такое у нас предчувствие!

Прошло несколько недель; горошины пожелтели, стручок тоже пожелтел.

— Весь мир желтеет! — сказали они, и кто бы им помешал говорить так?

Вдруг они почувствовали сильный толчок; стручок сорвала человеческая рука и сунула в карман, к другим стручкам.

— Ну, вот теперь скоро нас выпустят на волю! — сказали горошины и стали ждать.

— А хотелось бы мне знать, кто из нас сойдёт дальше всех! — сказала самая маленькая. — Впрочем, скоро увидим!

— Будь что будет, — сказала самая большая.

— Крак! — Стручок лопнул, и все пять горошин выкатились на яркое солнце. Они лежали на детской ладони; маленький мальчик разглядывал их и говорил, что они как раз пригодятся ему для стрельбы из бузиновой трубочки. И вот одна горошина уже очутилась в трубочке, мальчик дунул, и она вылетела.

— Лечу, лечу, куда хочу! Лови, кто может! — закричала она, и след её простыл.

— А я полечу прямо на солнце; вот настоящий-то стручок! Как раз по мне! — сказала другая. Простыл и её след.

— А мы куда придём, там и заснём! — сказали две следующие. — Но мы всё же до чего-нибудь докатимся! — Они и правда покатались по полу, прежде чем попасть в бузиновую трубочку, но всё-таки попали в неё. — Мы дальше всех пойдём!

— Будь что будет! — сказала последняя, взлетела вверх, попала на старую деревянную крышу и закатилась в щель как раз под окошком чердачной каморки. В щели был мох и рыхлая земля, мох укрыл горошину; так она и осталась там, скрытая, но не забытая Господом Богом.

— Будь что будет! — говорила она.

А в каморке жила бедная женщина. Она ходила на подённую работу: чистила печи, пилила дрова, словом, бралась за всё, что подвернётся; сил у неё было довольно, охоты работать тоже не занимать, но из нужды она всё-таки не выбивалась! Дома оставалась у неё единственная дочка, подросток. Она была такая худенькая, тщедушная; целый год уж лежала в постели: не жила и не умирала.

— Она уйдёт к сестрёнке! — говорила мать. — У меня ведь их две было. Тяжело было мне кормить двоих; ну, вот Господь Бог и поделил со мною заботу, взял одну к себе!